БИБЛИОТЕКА

№ 2 1959

Владимир СОЛОУХИН

КОЛОДЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Владимир СОЛОУХИН

КОЛОДЕЦ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1959

Владимир СОЛОУХИН

Владимир Алексеевич Солоухин родился 14 июня 1924 года в селе Алепине, Владимирской области, в семье крестьянина.

Окончил Механический техникум во Владимире в 1942 году с дипломом техника-технолога по инструментальному производству.

С августа 1942 года по июнь 1946 года служил в рядах Советской Армии.

После демобилизации учился в Литературном институте имени А. М. Горького. С 1951 года работал в качестве корреспондента-очеркиста в журнале «Огонек». В настоящее время — член редколлегии «Литературной газеты».

Член КПСС с 1952 года.

В. Солоухин — автор книг стихов: «Дождь в степи» («Молодая гвардия», 1953), «Разрыв-трава» («Молодая гвардия», 1956), «Ручьи на асфальте» («Советский писатель», 1959).

Им написаны книги очерков: «За синь-морями» («Молодая гвардия», 1956), «Золотое дно» («Советский писатель», 1956), «Степная быль» («Молодая гвардия», 1958) и лирическая повесть «Владимирские проселки» («Молодая гвардия», 1958; «Роман-газета» № 6, 1958).

ДЕРЕВЬЯ

У каждого дома
Вдоль нашей деревни
Раскинули ветви
Большие деревья.

Их деды сажали
Своими руками
Себе на утеху
И внукам на память.

Сажали, растили
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.

Вот этот путями
Несложными шел:
Воткнул под окном
Неотесанный кол,

И, хочешь не хочешь,
Мила не мила,
Но вот под окном
Зашумела ветла.

На вешнем ветру
Разметалась ветла —
С нее ни оглобли
И ни помела.

Другой похитрее,
Он знал наперед:
От липы и лапти,
От липы и мед.

И пчелы летают
И мед собирают,
И дети добром
Старика поминают.

А третий дубов
Насадил по оврагу:
Дубовые бочки
Годятся под брагу.

Высокая елка —
Для тонкой слеги.

Кленовые гвозди —
Тачать сапоги.

Обрубок березы —
На ложку к обеду...
Про все разумели
Премудрые деды.

Могучи деревья
В родимом краю,
Характеры дедов
По ним узнаю.

А мой по натуре
Не лирик ли был,
Что прочных дубов
Никогда не садил?

Под каждым окошком,
У каждого тына
Рябины, рябины,
Рябины, рябины...

В дожди октября
И в дожди ноября
Наш сад полыхает,
Как в мае заря!

КОЛОДЕЦ

Колодец вырыт был давно.
Все камнем выложено дно.
А по бокам, пахуч и груб,
Сработан плотниками сруб.
Он сажен на семь в глубину
И у́же видится ко дну.
А там, у дна, вода видна,
Как смоль густа, как смоль черна.

Но опускаю я бадью,
И слышен всплеск едва-едва,
И ключевую воду пьют
Со мной и солнце и трава.
Вода нисколько не густа,
Она, как стеклышко, чиста,
Она нисколько не черна
Ни здесь, в бадье, ни там, у дна.

Я думал, как мне быть с душой
С моей, не так уж и большой:
Закрыть ли душу на замок,
Чтоб я потом разумно мог
За каплей каплю влагу брать
Из темных кладезных глубин
И скупо влагу отдавать
Чуть-чуть стихам, чуть-чуть любви
И чтоб меня такой секрет
Сберег на сотню долгих лет.

Колодец вырыт был давно.
Все камнем выложено дно,
Но сруб осыпался и сгнил,
И дно подернул вязкий ил.
Крапива выросла вокруг,
И самый вход заткал паук.
Сломав жилище паука,
Трухлявый сруб задев слегка,
Я опустил бадью туда,
Где тускло брезжила вода,
И зачерпнул — и был не рад:
Какой-то тлен, какой-то смрад.

У старожила я спросил:
— Зачем такой колодец сгнил?
— А как не гнить ему, сынок?
Хоть он и к месту и глубок,
Да из него который год
Уже не черпает народ.
Он доброй влагою налит,
Но жив, пока народ пойт.
И понял я, что верен он,
Великий жизненный закон:
Кто доброй влагою налит,
Тот жив, пока народ пойт.

И если светел твой родник,
Пусть он не так уж и велик,
Ты у истоков родника
Не вешай от людей замка.
Душевной влаги не таи,
Но глубже черпай и пои!
И, сберегая жизни дни,
Ты от себя не прогони
Ни вдохновенья, ни любви,
Но глубже черпай и живи!

ХЛЕБ

Минуту я запомнил ту
Из детства озорного.
Вдруг кисло сделалось во рту
От хлеба аржаного.
И бросил наземь я кусок
От дедушки украдкой,
И наступил я на кусок
Босой чумазой пяткой.
И вдруг, едва лишь наступил,
Зарылся носом в пыль я.
А раньше дед меня не бил
И вообще не били.
Но он снимает поясок —
Крученую веревку,—
За мой нестриженый висок
Меня хватает ловко.
Его трясется борода
И в гневе и в обиде,
А в чем обида, я тогда,
Признаться, и не видел.

А было так, что дед вставал
До солнышка задолго.
Пласты отваливал отвал,
Была рубаха волглой.
Двужильна лошадь, да и ту
Качало, как шальную.
Но было деду вмоготу
Корежить ширь земную.
Дымилась дедова спина,
Дымок на солнце таял.
Так шел он, пригоршни зерна

Вокруг себя кидая.
И то он помнил хорошо,
Как в поле на колени
Вставали малый и большой
Под жалостное пенье:
«Дож-ж-а-а!» — и в маревую муть
Протягивали руки.
Еще теперь объемлет жуть,
Как вспомнишь эти звуки.
Но вот поспел он, урожай,—
Опять берись за дело.
Была рубаха — выжимай,
Приклеивалась к телу.
Лучами в деда бил восток
Над пажитью горевшей.
А он стоял, почти как бог,
Зерно взрастить сумевший.

Минуту я запомнил ту
Из детства озорного:
Вдруг кисло сделалось во рту
От хлеба аржаного.
Я растоптал, и весь, как был,
Зарылся носом в пыль я.
А раньше дед меня не бил
И вообще не били.

ДОЖДЬ В СТЕПИ

С жадностью всосаны
В травы и злаки
Последние капельки
Почвенной влаги.
Полдень за полднем
Проходят над степью,
А влаге тянуться
В горячие стебли.
Ветер за ветром
Туч не приносят,
А ей не добраться
До тощих колосьев.
Горячее солнце
Палит все упорней.
В горячей пыли
Задыхаются корни.

Сохнут поля,
Стонут поля,
Ливнями бредит
Сухая земля.
Я проходил
Этой выжженной степью,
Трогал руками
Бескровные стебли.
И были колючие
Листья растений
Рады моей
Кратковременной тени.
О, если б дождем
Мне пролиться на жито,
Я жизнь не считал бы
Бесцельно прожитой!
Дождем отсверкать,
Благодатным и плавным,—
Я гибель такую
Не счел бы бесславной!
Но стали бы плотью
И кровью моей
Тяжелые зерна
Пшеничных полей!
А ночью однажды
Сквозь сон я услышу:
Тяжелые капли
Ударили в крышу.
О нет, то не капли
Стучатся упорно,
То бьют о железо
Спелые зерна!
И мне в эту ночь
До утра будут сниться
Зерна пшеницы...
Зерна пшеницы...

ЯБЛОНЬКА, РАСТУЩАЯ ПРИ ДОРОГЕ

Она полна задорных соков,
Она еще из молодых,
И у нее всегда до срока
Срывают жесткие плоды.

Они растут как будто на́спех
И полны вязкой кислотой.
Она безропотно отдаст их
И остается сиротой.

Я раз тряхнул ее, да слабо.
А ветви будто говорят:
«Оставьте яблоко хотя бы
На мне висеть до сентября.

Узнайте, люди, как бывают
Прекрасны яблоки мои,
Когда не силой их срывают,
А я сама роняю их».

ПОГИБШИЕ ПЕСНИ

Я в детстве был большой мастак
На разные проказы,
В лесах, в непуганых местах
По птичьим гнездам лазал.

Вихраст, в царапинах всегда
И подпоясан лычкой,
Я брал из каждого гнезда
На память по яичку.

Есть красота своя у них:
И у скворцов в скворечне
Бывают синими они,
Как утром небо вешнее.

А если чуточку светлей,
Величиной с горошину,—
Я знал, что это соловей,
И выбирал хорошее!

А если лу́говка — у той
Кругом в зеленых точках.
Они лежат в траве густой,
В болотных рыхлых кочках...

Потом я стал совсем большим
И стал любить Ее.
И я принес ей из глуши
Сокровище свое.

В хрустальной вазе на комод
Они водружены.
В большом бестрепетном трюмо
Они отражены.

Роса над ними не дрожит,
Как на лугу весеннем.
Хозяйка ими дорожит
И хвалится соседям.

А я забуду иногда
И загорюю снова:
Зачем принес я их сюда
Из детства золотого?

Дрожат над ними хрустали,
Ложится пыль густая —
Из них ведь птицы быть могли,
А птицы петь бы стали!

КОГДА БЫ ЖИТЬ ЛЮБОВЬ НЕ ПОМОГАЛА...

Итак, любовь. Она ли не воспета,
Любви ль в веках не воздано свое!
Влюбленные великие поэты
«Сильна, как смерть», твердили про нее.

К тому добавить можно очень мало,
Но я сказал бы, робость прогоня:
Когда бы жить любовь не помогала,
Когда б сильней не делала меня,
Когда б любовь мне солнце с неба стерла,
Чтоб стали дни туманней и мрачней,
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней!

НАД РУЧЬЕМ

Спугнув неведомую птицу,
Раздвинув заросли плечом,
Я подошел к ручью напиться
И наклонился над ручьем.

Иль ты была со мною рядом,
Иль с солнцем ты была одно:
Твоим запомнившимся взглядом
Горело искристое дно.

Или, за мною вслед приехав,
Ты близ меня была тогда!
Твоим запомнившимся смехом
Звенела светлая вода.

И, угадав в волне нестрогой
Улыбку чистую твою,
Я не посмел губами трогать
Затрепетавшую струю.

НО ЧТОБЫ ПТИЦЫ ПЕЛИ...

Дуют метели, дуют,
А он от тебя ушел...
И я не спеша колдую
Над детской твоей душой.

Нет, я не буду спорить,
Делать тебе больней:
Горе, большое горе
Скрылось в душе твоей.

В его задекабрьском царстве
Птицам петь не дано...
Но моего знахарства
Вряд ли сильней оно.

Мне не унять метели,
Не растопить снега...
Но чтобы птицы пели —
Это в моих руках.

Прежнего, с кем рассталась,
Мне не вернуть никак...
Но чтобы ты смеялась —
Это в моих руках!

БРОДЯ В ГОРАХ, ВЕЛИЧЬЯ ПОЛНЫХ...

У тех высот, где чист и вечен
Высокогорный прочный лед,
Она, обычная из речек,
Начало робкое берет.

Архар идет к ней в час рассвета,
Неся пудовые рога,
И нестерпимо-ярким цветом
Цветут альпийские луга.

На камень с камня ниже, ниже,
И вот река уже мутна,
И вот уже утесы лижет
Ее стесненная волна.

Потом трава, полынь степная,
И скрыты в белых облаках
Вершины, где родилась злая
И многотрудная река.

И наступает место встречи,
Где в воды мутные свои
Она веселой, бойкой речки
Вплетает чистые струи.

Ах, речка, речка, может, тоже
Она знакома с высотой,
Но все ж неопытней, моложе
И потому светлее той!

Бродя в горах, величья полных,
Узнал я много рек, и вот
Я замечал, как в мутных волнах
Вдруг струйка светлая течет.

И долго мчатся эти воды,
Все не мешаясь меж собой,
Как ты сквозь дни мои и годы
Идешь струею голубой.

ЕЩЕ МЕЧТЫ И ЧУВСТВА СТРОЙНЫ

В своих сужденьях беспристрастны,
Друзья, чье дело сторона,
Мне говорят: она прекрасна,
Но, знаешь, очень холодна.

Они тебя не разгадали,
Тебя не поняли они.
В твоих глазах, в студеной дали,
Я видел тайные огни.

Еще мечты и чувства стройны
И холодна твоя ладонь,
Но дремлет страсть в тебе, спокойной,
Как дремлет в дереве огонь.

Я ТЕБЕ И ВЕРЮ И НЕ ВЕРЮ...

Я тебе и верю и не верю,
Ты сама мне верить помоги.
За тяжелой кожаною дверью
Пропадают легкие шаги.

Ты снимаешь варежки и боты,
Над тобою сонный абажур,
Я иду в поземку, за ворота,
В улицы пустые выхожу.

Ветер вслед последнему трамваю
Свищет, рельсы снегом пороша.
Ты садишься, ноты открываешь,
В маленькие руки подышав.

Проведешь по клавишам рукою,
Потихоньку струны зазвенят.
Вспомнишь что-то очень дорогое,
Улыбнешься, вспомнив про меня.

Звук родится. Медленно остынет.
Ты умеешь это. Подожди!
Ты умеешь делать золотыми
Серые, осенние дожди.

Но в студеный, выветренный вечер,
Не спросив, на радость иль беду,
Ты сумеешь выбежать навстречу,
Только шаль накинув на ходу?

Не спросив, далёко ли пойдем мы,
Есть ли край тяжелому пути,
Ты сумеешь выбежать из дому
И обратно больше не прийти?..

Или будешь мучиться и слушать,
У окошка стоя по ночам,
Как февраль все яростней и глуше
Гонит снег по голым кирпичам?

ИДЕТ ДЕВЧОНКА С ГОР...

(Из албанских мотивов)

С высоких диких гор, чьи серые уступы
Задергивает туч клубящаяся мгла,
Чьи синие верхи вонзились в небо тупо,
Она впервые в город снизошла.
Ее вела река, родившаяся рядом
С деревней Шумбери́, где девушка живет.
Остались позади луга и водопады,
Внизу цветут сады и зной душист, как мед.
Внизу ей странно все: дома, автомобили
И то, что рядом нет отар и облаков,
Все звуки и цвета ее обворожили,
А ярмарочный день шумлив и бестолков.
На пальце у нее железный грубый перстень,
Обувка не модна, и выгорел платок,
Но белые чулки домашней толстой шерсти
Не портят стройности девичьих легких ног.
Идет девчонка с гор, такая молодая,
Своей не осознав, быть может, красоты,
А парни на пути встают, обалдевая,
И долго вслед глядят и открывают рты.
Все взгляды на нее остались без ответа,
Не дрогнула ничуть тяжелая коса.
Идет девчонка с гор... С нее б создать Джульетту,
Венеру вырубить, Мадонну написать!

Идет девчонка с гор, в которых, не ревнуя,
Живет ее жених с обветренным лицом,
Кто смело подойдет и жестко поцелует,
Кто ей надел свое железное кольцо.

ДОСТУПНО ЛЮДЯМ ЧУВСТВО КРАСОТЫ...

Доступно людям чувство красоты,
И человек с веками научился
Зарю, страданье, женское лицо
Класть на холсты, играть на дивной скрипке
И в бронзу строк упорством загонять.

Умеем мы в картинных галереях
Смотреть на самодельные рассветы,
А наблюдая утреннее небо,
И летний лес, и осень золотую,
Не можем мы невольно не сравнить
Живую красоту, живую свежесть
С твореньями великих мастеров.

Но иногда увидится такое,
Пред чем немеют краски и слова.
Есть на земле такое, говорю,
Что ни смычку, ни кисти не покорно,
Любому недоступно мастерству.
О лепестки нежнейшего цветка
Резцы стальные скульптор обломает,
А не создаст подобия ему.

Есть на земле такое, говорю,
Что и пытаться передать не нужно,
Что выше всех известных нам искусств
Уж потому, что живо. Гениальней
Любых искусств земною простотой,
Оставь слова. Замри, благоговея.
Молчи перед великой красотой!

Что о тебе сказать?
Пускай придут и спросят,
Какая ты, насколько ты красива,
Пускай придут и спросят: расскажи

Про голос, про улыбку и про взгляд,
Про волосы, рассыпанные тяжко,
Про очертанья стана твоего...

Не позову великих скрипачей.
(Бессилен был бы даже Паганини
Сыграть тебя). Я также не прибегну
К созвучьям слов, к их яркости и силе.
И живописцев я не позову,
Чтоб гаммой красок, мощью вдохновенья
Они на холст тебя перенесли.
Но ты во всем! Пускай придут и спросят...
Ее хотите видеть? Хорошо.
Пора идти, рассеялся туман.

И покажу им ливни золотые,
Что сообщают силу возрожденья
В земле засохшей сонмищам семян.
И покажу им в тайниках лесов
В полночный час красавицу ночную
В подлунно-белом брачном одеянье,
Стыдливую настолько, что лишь ночью
Она поит пьянящим ароматом
Незыблемый и влажный воздух леса.

Я покажу им спелые плоды,
Наполненные влагою и солнцем.

И горные кипящие потоки,
Что, словно страсть, не ведают преграды.
И сильное, но плавное в долинах
Теченье рек, что так же полноводны
И так же никогда не истощимы,
Как и земная радость материнства.

Я покажу им землю до конца:
Моря и степи, горы и долины.
Итак, скажу: вы видели Ее.
Но то, что вы увидели поврозь,
В ней собрала природа воедино.
Все собрала разумно и счастливо.

Красива ты земною красотой,
Земля тобой, любимая, красива!

РАЗРЫВ-ТРАВА

В иванов день набраться духу
И в лес идти в полночный час,
Где будет филин глухо ухать,
Где от его зеленых глаз
Похолодеют руки-ноги
И с места не сойти никак,
Но где уж нет иной дороги,
Как только в самый буерак.
От влажных запахов цветочных
Начнет кружиться голова.
И будет в тихий час урочный
Цвести огнем разрыв-трава.
Схвати цветок, беги по лесу,
Он все замки тебе сорвет,
Освободит красу-принцессу
Из-за чугунных тех ворот.
Ах, эти сказки, эти сказки!
Лежим на печке, стар да мал...
Снежки, рогатки и салазки
Подчас на сказки я менял.
И у меня была принцесса —
Девчонка — море синевы!
Не для нее ли я по лесу
Искал цветов разрыв-травы?
Не для нее ли трое суток
Я пропадал однажды там?..
А жизнь меж тем учила круто,
С размаху била по зубам.
И разъяснил ботаник вскоре,
Что никаких чудес тут нет,
Взамен цветов имеем споры,
И в этом, значит, весь секрет.
И чудеса ушли из леса,
Там торф берут среди болот.
А синеокая принцесса
Газеты в клубе выдает.

Все меньше сказок в мире нашем,
Все громче формул торжество.
Мы стали опытней и старше,
Мы не боимся ничего.
Нам выпал век науки точной.
Права ботаника, права.

Но я-то знаю: в час урочный
Цветет огнем разрыв-трава!

РОСА ГОРИТ

Роса горит. Цветы, деревья, звери
И все живое солнца жадно ждет.
В часы восхода смерти не поверю:
Какая смерть, коль солнышко встает!

Не верю в то, что вот она таится
И грянет вдруг в преддверье самом дня
То для оленя прыгнувшей тигрицей,
То лопнувшей аортой для меня.

В глухую полночь пусть пирует грубо,
Но пусть земле не портит тех минут,
Когда за лесом солнечные трубы
Уж вскинуты к зениту и поют!

ТРОПА НАЦЕЛЕНА В ЗВЕЗДУ...

Тропа по просеке лесной
Бывает так отрадна взгляду...
В часы, когда неистов зной,
Она уводит нас в прохладу.
А есть тропинка через рожь,
По ней и час и два идешь,
Вдыхая тонкую пыльцу.
А есть к заветному крыльцу
Совсем особая тропинка.
Мне эти тропы не в новинку.

Но помню дикий склон холма.
Парной весенней ночи тьма —
Вокруг не видно ни черта,
Лишь наверху земли черта
Перечертила Млечный Путь.
В дорогу палку не забудь!
Не поскользнись на черном льду,
Тропа нацелена в звезду!

Всю жизнь по той тропе иди,
Всю жизнь на ту звезду гляди!

И НЕПОНЯТНО ТЕМНЫМ ЕЛЯМ...

В лесу еловом все неброско,
Приглушены его тона.
И вдруг белым-бела березка
В угрюмом ельнике одна.

Известно, смерть на людях проще,
Видал и сам я час назад,
Как начинался в дальней роще
Веселый, дружный листопад.

А здесь она роняет листья
Вдали от близких и подруг.
Как от огня, в чащобе мглистой
Светло на сто шагов вокруг.

И непонятно темным елям,
Собравшимся еще тесней,
Что с ней? Ведь вместе зеленели
Совсем недавно. Что же с ней?

И вот, задумчивы, серьезны,
Как бы потупив в землю взгляд,
Над угасающей березой
Они в молчании стоят.

СОСНА

Я к ночи из лесу не вышел,
Проколобродив целый день.
Уж, как вода, все выше, выше
Деревья затопляла тень.

Янтарь стволов и зелень хвои —
Все черным сделалось теперь.
В лесу притихло все живое.
И стал я чуток, словно зверь.

А наверху, над мглою этой,
Перерастя весь лес, одна,
В луче заката, в бликах света
Горела яркая сосна.

И было ей доступно, древней,
Все, что не видел я с земли:
И сам закат, и дым деревни,
И сталь озерная вдали.

И В МИНУТУ МЕДЛЕННОЙ ОГЛЯДКИ...

Прадед мой не знал подобной резвости,
Будучи привержен к шалашу.
Все куда-то еду я в троллейбусе,
И не просто еду, а спешу.

Вот, смотрите, прыгнул из трамвая,
Вот, смотрите, ринулся в метро,
Вот под красный свет перебегаю,
Улицей лавируя хитро.

Вот толкусь у будки автомата,
Злюсь, стучу монетой о стекло.
Вот меня от Сретенки к Арбату
Завихреньем жизни повлекло.

Вот такси хватаю без причины,
Вновь бегу, неведомо зачем,
Вот толкаю взрослого мужчину
С крохотной березкой на плече.

Пред глазами у меня мельканье,
В голове мыслишки мельтешат,
И чужда ты миросозерцанья,
С панталыку сбитая душа.

«Подожди, а что же это было-то?»—
С опозданьем выскочил вопрос.
Словно дочку маленькую, милую,
Он березку на плече понес!

И в минуту медленной оглядки
Прочитал я эти девять слов:
«Здесь продажа на предмет посадки
Молодых деревьев и кустов».

Вишенка, рябинка и смородина
У забора рядышком стоят.

(О моя рябиновая родина!
Росный мой смородиновый сад!)

Значит, кто-то купит это деревце,
Увезет, посадит у ворот,
Будет любоваться да надсяться:
Мол, когда-нибудь и расцветет.

На листочки тонкие под вечер
Упадет прохладная роса,
Будет вечер звездами расцвечен,
Распахнутся настежь небеса.

Радости, свершенья, огорченья,
Мыслей проясняющийся ход
Времени законное теченье
Медленно и плавно понесет.

Время — и пороша ляжет белая.
Время — ливень вымоет траву...
Что-то я не то чего-то делаю,
Что-то я неправильно живу!

У МОРЯ

Разгулялся ветер на просторе,
Белопенный катится прибой.
Вот и я живу у синя моря,
Тонущего в дымке голубой.

Ни испить его, ни поглядеться,
Словно в тихий омут на лугу.
Ничего не вспомнится из детства
На его бестравном берегу.

Оттого и скучно здесь слегка мне,
Над седым величием волны.
До меня, сидящего на камне,
Долетают брызги солоны.

Ни краев, ни совести у моря!
Густо засинев доглубока,
Вот оно берется переспорить
Маленького в поле василька.

Вот оно, беснуясь и ревнуя,
Все ритмичней хлещет и больней:
Хочет смыть тропинку полевую
Из железной памяти моей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращаясь туда,
Где троллейбусы ходят
И люди,
Запылиться боясь,
На себя надевают чехлы,
Скоро ванну приму,
Снова стану подвержен простуде,
Мне горячую землю
Заменят асфальт и полы.
Вот иду я Москвой
В полинявшей от солнца рубахе,
Загорелый, худой
И, конечно, усталый чуть-чуть,
А в глазах еще степь,
Еще крыльев ленивые взмахи,
Двести верст горизонта
И ветер, толкающий в грудь.
Захожу я в метро,
И с соседкой сосед зашептался.
Острый запах полыни,
Наверно, донесся до них.
Это ветер вчера
У меня в волосах заплутался
И до самой Москвы
В волосах притаился моих.
Да, вчера ведь еще
Я пылился на знойной дороге,
А потом самолет
Над страной обгонял облака...
И обнимет жена
И руками всплеснет на пороге:
— Ну-ка, сбрасывай все
Да детишек не трогай пока!
Среди хрупких вещей
Я, сначала такой неуклюжий,
Отряхнуться боюсь:
Видно, только сейчас подмели...

На московский паркет
Упадают шерстинки верблюжьи,
И пшеничная ость,
И комочки целинной земли.

ЗЕМЛЯКИ

В потоке солнечного света,
Голубоватая на цвет,
Летит обжитая планета
Среди безжизненных планет.
Летит, свершая путь урочный,
Не год, не век, не вечный срок,
Летит, опутанная прочно
Сплетеньем тропок и дорог.
Морские, горные, степные,
Они повсюду пролегли.
И ходят жители земные
По трактам матушки-земли.
Земля на всех одна, и все же
За двадцать верст уйдешь пешком —
И назовут тебя прохожим,
Не называя земляком.
Но если ты пойдешь далече,
За край владимирских полей,
Туда, где очень тонки свечи
Пирамидальных тополей,
Или туда, где просто груды,
Как угли, жаркого песка,
Хоть очень дальнего, но всюду
Себе найдешь ты земляка.
Ведь доводилось в Казахстане,
В его степях, мне слышать, как
Кричал парнишка из Рязани:
«Эй ты, владимирский, земляк!»
А далеко, за морем синим,
В краю иных материков,
Встречал я жителей России,
Как самых близких земляков.
И слышать там совсем не странно,
Когда сойдутся моряки:
«Так, значит, ты из Казахстана?
Та я ж с Полтавы, земляки!»
Но завтра тонкий звон ракеты

Уйдет в серебряный туман,
И ты, как гость с чужой планеты,
Сойдешь на почву марсиан.
И вспомнишь все: земное небо,
Душистый мед, и горький дым,
И вкус и цвет земного хлеба,
И цвет и звон земной воды,
Весь путь, что был тобой исхожен,
И то, что в россыпях росы
Ты проходил не как прохожий,
А как земли родимой сын.
Тогда, старайся не старайся,
Сверкнут слезой глаза твои:
Мол, где вы, немцы и малайцы,
Земные родичи мои?
Стой, подожди! Одна на свете
Земля, одетая в траву.
Но вспомни: все ль земные дети
Друг друга братьями зовут?
Брататься могут и солдаты.
Все это так, все это так!
Но, помнишь, фюрер бесноватый
Неужто был тебе земляк?!
И ты неужто с сердцем чистым
Воскликнешь в марсианской мгле:
Мол, где вы, где, капиталисты,
Родные братья по земле?!
Нет, помни всех, кто цепи рабства
Тебе всечасно берегли,
И отрекись от их собратства
Во имя Родины — Земли.

ЭТО БЫЛО В ДВАДЦАТОМ...

Это было в двадцатом суровом году.
Выли вьюги в российской советской столице.
Раскалялись морозы, от них на лету
Задыхались и мертвыми падали птицы.
Были выбиты стекла в цехах заводских,
Индевели станки, и молчали моторы.
Трудно с хлебом — и резали фунт на двоих,
Трудно с топливом — шли на растопку заборы,
С перебоем в дома приходила вода,
Неожиданно свет угасал на неделю.

Но ведь это в столице, а что же тогда
От Москвы вдалеке, за февральской метелью?!
Так он думал, из дальней страны человек,
Этот город суровый увидев воочью,
Перед фарами пылью крутящийся свет,
Переулки, афиш шелестящие клочья
Да никчемность трамвайных завьюженных рельс,
А над всем вековые кремлевские башни.
Был великим фантастом британец Уэллс,
Стало страшно Уэллсу от были тогдашней.
Все он понял еще до кремлевских ворот.
Предстоящая встреча добавит немного:
Вся Россия во мгле, полудикий народ,
К омертвенью и тлену прямая дорога.
Эта схватка миров не похожа на ту,
Что ему представлялась в часы вдохновений.
Не к вождю марсиан,— в темноту, в пустоту
Шаг за шагом его поднимали ступени.
Двое рослых, в военной одежде людей
От парадных дверей до приемного зала
Проводили его коридорами, где
Под глубокими сводами свет вполнакала,
Под ногами паркет, позабывший про воск.
Распахнулась тяжелая дверь кабинета...
Что там думает этот загадочный мозг
Истощенной России, державы Советов?
У вождя кабинет протопили вчера,
Но сегодня прохладно в его кабинете.
И внакидку пальто, и сидеть до утра,
И работать с мечтой о свободной планете.
Вот британскому гостю движеньем простым
Предлагает он кресло, обитое кожей.
— Не угодно ли чаю, пока не остыл?
Удивительный чай! Без варенья, но все же...
А по окнам струя снеговая, как бич,
Без конца и без края страна за стеною...

— Ну, а все-таки что же, Владимир Ильич,
Вы решаете делать с погибшей страною?..
Натянулась беседы суровая нить,
Гость открыто сочувствует, смотрит, жалея.
— Мы республику нашу хотим осветить,
Чтобы, знаете, было работать светлее...—
И по карте, от Пинских болот до Кремля,
От Кремля до тайги — и руки не хватило.
Разве может погибнуть такая земля,

Разве можно такой напророчить могилу?!
От движенья пальто соскочило с плеча,
По просторам страны заскользила указка,
И поплыли тогда в кабинет Ильича
За виденьем виденье, за сказкою сказка:
Будто дикие реки сибирских равнин
Перекрыли плотины бетонные наши,
И струится высокая сила турбин,
И летят провода над безмолвием пашен,
Будто вся до конца задымилась тайга,
Засветилась она заводскими огнями,
Будто реки бросают свои берега
И уходят дорогой, указанной нами.
Гость ушел раздраженным; он в Лондоне даст
Интервью о поездке своей за границу
И о том, что сидит утопист и фантаст
За кремлевской стеной в азиатской столице.
Нам не спорить о том, к нам стучится весна.
Нам мечтать вдохновенно и радостно строить,
Но душа торжеством до избытка полна,
И поэтому хочется крикнуть порою:
— Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем, замшелым и ржавым?
Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе родная держава!
Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая просторы австралий и азий.
А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
Коммунистам и это не область фантазий!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

По Владимирке пыльной в суровые дни
Шел не я в кандалах — уходили они.
И жандармы, то грязь, то морозы кляня,
Увозили на долгую смерть не меня.
В Петербурге родился рабочий кружок,
Над Байкалом кружился усталый снежок,
В рудниках по колена стояла вода.
Я партийный билет получал не тогда.

Под другими в бою убивало коня,
В паровозной утробе сожгли не меня,
И когда эшелоны к Царицыну шли,
Не глодал я макуху чернее земли.

Я не падал в разводья кронштадтского льда.
Я партийный билет получал не тогда.

Трижды ранен, устал и насквозь пропылен,
В Сталинграде не я подымал батальон.
И не я, оборвав своей жизни полет,
Захлебнуться заставил чужой пулемет.
Но уже он был очень похож на меня,
Кто упал на дрожащие вспышки огня,
Но уже он был чем-то со мною сравним:
Может, возрастом тем же и ростом одним,
Может, было нам поровну солнца и лет.
У героя пробит комсомольский билет.
Над могилой героя ночная звезда.
Я партийный билет получал не тогда.

Я партийный билет получал не тогда.
Тяжелела рука, проходили года.
Над Москвой, над страной, над землей — тишина,
Перекличка гудков паровозных слышна.
В тишине орудийные стынут замки,
Густо смазаны, в ножнах хранятся штыки.

Я сейчас получаю партийный билет.
Коммунист умирает, но партия — нет!
Где-то новая смена уходит в забой.
Голубеет рассвет. Продолжается бой.
И, наверное, где-то играют в лапту
Те солдаты, которых я в бой поведу.

НАД ЧЕРНЫМИ ЕЛЯМИ СЕРПИК ЛУНЫ...

Над черными елями серпик луны,
Зеленый над черными елями.
Все сказки и страсти седой старины,
Все веси и грады родной стороны —
Тот серпик над черными елями.

Катились на Русь за набегом набег
Из края степного, горячего.
На черные ели смотрел печенег
И в страхе коней поворачивал.

Чего там?
Мертво?
Иль реки, струясь,
Текут через мирные пажити?

За черные ели Орда ворвалась...
А где она, может, покажете?

В российском лесу гренадер замерзал,
Закрыться глаза не успели.
И долго светился в стеклянных глазах
Тот серпик над черными елями.

За черные ели родной стороны
Врывались огонь и железо...
Над черными елями серпик луны
В ночное безмолвие врезан.

Чего там?
Мертво?
Иль трубы дымят?
Глубоко ли кости повсюду лежат,
Иль моют их ливни косые?

Над черными елями звезды дрожат,
В безмолвии лунном снежинки кружат...
Эй вы, осторожней с Россией!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Окончен завтрак. Вилку отложив,
Ты говоришь жене своей спасибо,
Иль матери спасибо говоришь,
Иль другу, накормившему тебя.
Но почему не скажешь ты спасибо
Крестьянину с тяжелыми руками,
Измазанными жирным черноземом,
Исколотыми спелою соломой,
Взрастившими высокие хлеба?

Но почему не скажешь ты спасибо
Рабочему с тяжелыми руками,
Чья сталь в печах бушует и клокочет,
Лицо, как вспышки молний, озаряя,

Чья сталь косой становится звенящей,
И лемехом для тракторного плуга,
И тем ножом, наточенным отменно,
Которым хлеб нарезали к столу?
Как нежен на столе твоем горошек!
Еще нежней, чем розовые крабы,
Что на одной тарелке с ним лежат.
Так почему ж не скажешь ты спасибо
Суровым, красноруким краболовам
(Морская соль их руки разъедает,
От брызг и ветра лица продубели)...

Ну, чем еще ты завтракал сейчас?
Вон вижу я на блюдечке маслины,
Что выросли в краю, где белый камень
Под солнцем раскаляется полдневным,
И черной нет земли,
И мягкой нет травы,
Но только камень белый, на котором
Оливковое дерево растет,
Даря плоды.
Да полно, неужели
Оно само взрастает на камнях?!
Так почему ж не скажешь ты спасибо
Албанским или греческим крестьянам,
Чей труд теперь твой завтрак усладил?

Их армия бесчисленная, тех,
Кому ты должен каждую минуту
Быть благодарным,—
Армия людей,
Овец пасущих,
Ткани создающих,
Тебе дающих пищу и тепло.

Кирпич и мех,
Бумага и чернила,
Табак и спички,
Масло и вино,
И рюмка для вина,
И шкаф для этой рюмки,
И все, к чему рука ни прикоснется,—
Все сделано умелыми, простыми,
Бесчисленными добрыми людьми.

Одно тут важно знать, что в ту минуту,
Когда ты хлеб жуешь, иль ешь маслины,
Или чернила в ручку набираешь,
Иль просто свет включаешь у себя,
Что где-нибудь, в Сибири иль в Египте,
В столице шумной иль на полустанке,
В избе крестьянской или на заводе,—
Что где-нибудь за труд,
Тобой свершенный,
Тебе
Спасибо люди говорят.

Тогда живи спокойно. Ешь, что хочешь,
И на трамвае езди и на лыжах,
Тогда ты равен в нашем общежитье,
И самые позорные слова:
«Бездельник»,
«Паразит»
И «тунеядец»,—
Они, мой друг, совсем не про тебя!

СОДЕРЖАНИЕ

Деревья 3
Колодец 4
Хлеб 6
Дождь в степи 7
Яблонька, растущая при дороге 8
Погибшие песни 9
Когда бы жить любовь не помогала... 10
Над ручьем 10
Но чтобы птицы пели... 11
Бродя в горах, величья полных... 12
Еще мечты и чувства стройны 13
Я тебе и верю и не верю... 13
Идет девчонка с гор... 14
Доступно людям чувство красоты... 15
Разрыв-трава 17
Роса горит 18
Тропа нацелена в звезду... 18
И непонятно темным елям... 19
Сосна 19
И в минуту медленной оглядки... 20
У моря 21
Возвращение 22
Земляки 23
Это было в двадцатом... 24
Партийный билет . . : 26
Над черными елями серпик луны... 27
Благодарность 28

Владимир Алексеевич Солоухин
КОЛОДЕЦ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00135. Подписано к печати 2/II 1959 г. Тираж 160 000. Изд. № 247.

Заказ № 3 000. Формат бумаги 70×108 1/32. — 0,5 бум. л.—1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.